

«Белые лебеди» русской свадебной песни

The White Swans of the Russian Wedding Song

Summary

The two selected sources (Siberian and north Russian wedding ceremonies) give semantic projections of “the white swan/pen” towards a fiancée. They are described as “a personal female, maternal, nursing and ancestral” element and a personification of girl’s mommy, dear sister(s), female friends, female relatives and of course the girl’s beauty which she must leave. The bride-to-be / fiancée is called a *cygnet* or a *white swan* in the songs performed by her female friends as well as by the family of her future husband. Her own ancestral element from her point of view is regarded as “swans,” “flock of swans.” On the other hand, from the point of view of the bridegroom, this is called “geese,” “flock of geese,” “goose’s.” Finally, the fiancée must leave her flock of swans to join her husband’s flock of geese. The above observations and their results are related to the folk traditions – in fairy tales, proverbs, catchphrases, and riddles.

53

Keywords: wedding ceremony, wedding ritual songs, folk traditional culture, folk Russian fairy tale, ethnosemantics, semiotics.

Первое, на что стоило бы обратить внимание в связи с поставленной темой, это на довольно последовательное отражение в традиции русской свадьбы того, что выражает себя при посредстве словесно передаваемых *лебедя, лебедки, лебедушки, лебязьего, лебединого* и т.п. Не будем определять это в привычно принятых терминах символа, символизации, символики¹, имея в виду подход к вопросу с другой

---

* Uniwersytet Śląski w Katowicach, Wydział Humanistyczny, Instytut Językoznawstwa, 42-206 Sosnowiec, ul. Grota-Roweckiego 5, czerwinski.piotr@gmail.com

¹ Довольно обширная литература по данной проблеме (*лебедь* как мифологический образ и символ в славянской и не только славянской культуре) имеет главным образом энциклопедический либо научно-популярный характер (см. для примера: Демин, Щерб, 2019), в связи с чем автор не видел необходимости к ней отсылать.

стороны. Однако, со стороны значения и семантики было бы слишком общим и неопределенным, а потому как бы и ничего не сказать. Подход хотелось бы вывести и представить в дальнейшем, исходя из анализа материала. Поскольку тема, сама по себе, применительно к свадьбе и месту того, что от *лебедя* в ней, в обряде, равно как и *лебедя* в русской народной традиции в целом (не касаясь славянского круга, что также немаловажно, но бесконечно), о чем, упуская из виду, не следует забывать, сложна и обширна. По этой причине, не покушаясь на обстоятельность и полноту, затронем лишь некоторые ее повороты. Не то, чтобы самые значимые, но существенные.

Прежде чем показать возможные проявления *лебедя* в обрядовых свадебных текстах, позиционные отражения которых различны, немаловажным видится одно, едва ли не определяющее, представление, обнаруживающее себя в противопоставлении *гусяного лебединому* – того, что одно, тому, что другое. В общеизвестном мотиве – родового жениха родовому невесты и самой при этом невесты, – отмечающем ее переход: *Отставала да лебедь белая, Как што от стада да лебединово, Дак приставала да лебедь белая Ко стаду – серым гусям* (РС, 243)². И в такой, еще более яркой, форме: *Отставала лебедь белая Да от стада лебединого. Приставала лебедь белая Да ко стаду – ко серым гусям. Как начали тут гуси серые Бел-лебедушку щипать, клевать. Как лебедушка воскыкала: – Не щипайте меня, гуси серые, Не рвите мои белые перышки! Не сама-то я к вам залетывала, Не свою я волею-охотою: Занесли меня ветры буйные. С прямой объясняющей параллелью в продолжение тут же: *Отставала красна девица Да от батюшки, от матушки, Приставала красна девица* (Елена Павловна) *Приставала она ко чужой семье, Ко чужой семье незнакомой. Стали девицу тут бранить-журить, Стали красную уму-разуму учить. – Не браните меня, бедну девицу, Не журите меня, девку красную: Не сама я к вам зашла-заехала, Завезли меня кони добрые, Занесли меня вихри-вихори* (ОС, 210).*

Если вспомнить при этом нередкое не только противопоставление, но и объединение гусей с лебедями, в том числе и особенно в сказках (ср. известный сюжет *Гуси-лебеди* для примера), то получается, что противопоставляемое в свадьбе их сочетание содержит идею включения в лице невесты молодого женского, готового к браку, но как представительницы своего родового, в родовое не своего, ей чужого,

² Источниками материала были две публикации песен – севернорусского свадебного обряда (Балашов, Марченко, Калмыкова, 1985) и сибирской свадьбы (Потанина, 1981), что для небольшой по объему статьи представлялось достаточным. При цитировании фрагментов песен из первого источника в скобках дается аббревиатура и через запятую страница (РС, 243), из второго – (ОС, 210).

того, что мужское, от жениха. Включение травмирующее и тяжелое, с изменением статуса, от девичьего состояния и положения к бабье-му: *Дак охти, мне да тошнихонько! Видно, отстала я, молода, От стада лебединново, Видно, пристала я, молодехонька, Да ко стаду-то гусиному, От девушек отколиласе, Да к бабоцькам приобратиласе* (РС, 339).

В целом свадьба, с позиции отдаваемой замуж, выглядит как отрыв, отход от своего, ей привычного, милого, доброго, у матери и отца, к тому, что враждебно и чуждо, близко к умиранию, в чужой семье на чужой стороне. Нет возможности к небольшой работе данное общеизвестное положение³ развивать, лишь попутно его отметив в связи с восприятием *лебедя*. Этот последний находит свое отражение в свадьбе на материале обрядовых песен неоднократно, последовательно и регулярно. Не вдаваясь в детали обряда в различных его поэтапных проекциях, что было бы важно не в разбираемой связи, отметим три, представляющихся значимыми для нашей задачи, позиции – до встречи невесты с приехавшим к ней с поезжанами женихом, с обилием жалостливых причитаний в этот период, при этой встрече, обостряющей неприятие жениха с его поездом, и после нее, со всем, что в дальнейшем, включая венчальный день, венец и после венца.

Прежде чем перейти к рассмотрению *лебедя* в трех указанных, с позиции невесты, проекциях, небезразличным видится для имеющего значение контраста показать также то, что касается в отношении *лебедя* стороны жениха. Находит это свое отражение в материале *Обрядовых песен Сибири*. Не претендуя на далеко идущее обобщение, появление *лебедя* с «жениховой» позиции можно увидеть в том, что определяет себя во время так называемого «Сбора поезда», в котором ведущая роль принадлежала дружке, назначавшему, по предварительному соглашению с женихом, чины поезжан – тысяцкого, большого и малого боярина, полудружья, свахи, подсватьи⁴ (ОС, 111). Здесь отмечаются два *лебединых* мотива. Первый – в том, что исходит от дружки,

³ Литература по данному вопросу необъятна. Не вдаваясь в ее рассмотрение, поскольку это не было нашим предметом, назовем лишь некоторые работы, монографического и ориентирующего характера: Быстров, 1899; Агренева-Славянская, 1887–1889; Бернштам, 1974; *Русский народный свадебный обряд*, 1978; Гура, 1978; Байбурин, Левинтон, 1990; Евтихеева, 1991; Еркочева, 1998; Кукушкина, 1999; Зорин, 2004; Костромичева, 2005; Гура, 2012; Болдырева, Толкачева, 2018. А также специально о свадебных песнях – Круглов, 1978; Балашов, Красовская, 1969; Кузнецова, 1993.

⁴ Чинов этих может быть больше, в зависимости от региональной традиции, см. об этом в работах: Богословский, 1927; Гура, 1979; Гура, 1995; Ларина, 1996; Никифорова, 1998; Старовойтова, 1998; Терещенко, 1999; Таратынова, 2007; Соколова, 2014, не говоря о многочисленных публикациях по данной теме, помещаемых в интернете.

при обращении к родителям жениха за разрешением *яству начать, белу лебедь разрушать* [т.е. разрезать, разделить]: *Батюшка родимый, Матушка родимая. Благословите, родные, Скатерть раскинуть, Белу лебедь разрушать, Яству начать, Гостей попотчевать* (ОС, 113). И в его же приговаривании при перемене блюда: *Сизая голубушка, Белая лебедушка, Матушка-переменушка*. Подобно при обращении кстряпчему: *Стряпчий повар, Сядь на коня, Стань на резвые ноги. Бьет тебе челом Наш князь молодой Корцем да медом. Сверх того просит Наш князь молодой Сизой голубушки, Белой лебедушки, Матушки-переменушки* (ОС, 113). Второй – в величальной пении жениху с такими, в числе прочих, словами: *Как умел он у батюшки Родиться, родиться, У родимой матушки Снарядиться, снарядиться; Он горазд из туга лука Стреляти, стреляти, Гусей, лебедей Побивати, побивати. Государю царю Отсылати, отсылати...* (ОС, 132–133). И то же самое от его лица: *Я горазд из лука стреляти, Я гусей-лебедей убивати, Государю-царю отсылати...* (ОС, 133).

Первое, как нетрудно заметить, проявляет себя в мотиве еды и кормления. Получив разрешение *белу лебедь разрушать*, дружка на деле «нарезал отварную курицу и пирог» (ОС, 113). Равным образом как *Сизой голубушкой, Белой лебедушкой* определяется *Матушка-переменушка*. То же себя отражает в русской пословице *Хлѣба-соли покушать, лебедя (пирого) порушать* (Даль, 1862, 833), в загадке про материнскую грудь – *Бѣлый лебедь, ни кѣмъ не рушанъ, всякъ его кушалъ* (Даль, 1862, 332). Или в хвалебно-высокой оценке внешних женских достоинств – *Грудь лебедина, походка павлина, очи сокольи, брови собольи* (Даль, 1862, 826). В характеристике, на сей раз достоинств не внешних, но как жены и хозяйки: *Жена (Хозяйка), что лебедь-птица, вывела дѣтей станицу (вереницу)* (Даль, 1862, 392, 404). И в отношении еды и кормления, не применительно к женскому, но от него исходящему: *Распашу, распашу чисто поле, нагоню бѣлыхъ лебедей; посажу, посажу рядышкомъ, а послѣ лебедей встѣхъ перетьмъ* (Хлѣбы) (Даль, 1862, 660).

Второе, в свою очередь, отмечает уместность и зрелость, достоинство жениха, определяемое в отношении того, что *умел он у батюшки родиться, а У родимой матушки снарядиться*, из какого его (у матушки) снаряжения выходит то, что *Он* (в результате) *горазд из туга лука стреляти* и далее *гусей-лебедей убивати*, но не просто, а с тем, чтобы *Государю-царю отсылати, А за то государь царь Его любит, его любит, По голушке его гладит. (По голушке меня гладит, Что по имени меня называет, По изотчеству величает)* (ОС, 132–133). Не будем входить в семантические подробности, которые можно вывести в отношении всех составляющих, отметив лишь то, что определяется в этих контекстах жених как мужское созревшее, способное к продолжению рода

(гораздо *из туга лука стреляти*)⁵, через соединение того, что в нем его родовое и собственное, с тем, что родовое жены (*гусей-лебедей*).

Из отмеченных второго и первого получается, что *лебединое* со стороны жениха в обрядовых свадебных песнях (на материале источника) определяет себя как то, что связывается с началом питающим и продолжающим в трех отношениях – как ‘кормящее’, как ‘женское родовое жены’ и как ‘женское (в будущем) материнское’. Соотносимыми видятся в этой связи сюжеты русских народных сказок с обрачивающимися в девиц Царевной Лебедью (*Семь Симеонов*, № 145, Афанасьев, 1957), Белой Лебедью Захарьевной (*Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде*, № 174, Афанасьев, 1957), Лебедью-птицей красной девицей, она же Лебедь Страховна (*Данило Бессчастный*, № 313, Афанасьев, 1957), двенадцатью белыми лебедушками красными девицами (*Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что*, № 214, Афанасьев, 1957), которых (в последнем сюжете одну из которых) берет себе в жены герой. Белая Лебедь Захарьевна к тому же становится матерью с детками, после того как «Кто-то в доме был, воды испил, колодезь не закрыл» (Афанасьев, 1957, I, 443), пускается в погоню за младшим царевичем, требуя от царя выдать ей виноватого.

Касаясь того, что связано с *лебедем* и *лебединым* в песнях свадебного обряда и обращаясь к первой проекции, до приезда и появления жениха, можно отметить следующее. Прежде всего то, что *белыми лебедями* определяются сестры невесты, дочери батюшки, наряду и в сопоставлении с его сыновьями, ясными соколами: *У тебя жо, мой батюшко, Видно, много умножилось Да сыновей, ясных соколов, Да дочерей, белых лебедей. Да разошлось жаленьице По сыновьям, ясным соколам, По дочерям, белым лебедям* (РС, 38). То, что *много умножилось*, объясняет причину отдавания на чужую сторону одну из *дочерей*, подчеркивая, с одной стороны, обильную многодетность в роде, а с другой, при необходимости, вследствие множества, избавления от одной, откуда жалующийся характер той, кого отдают.

---

⁵ Ср. интересное место в русской народной сказке в этой связи: «*Эх ты, поганое чудище! Не уловиши бела лебедя, да кушаешь!*» – сказал Иван-царевич, натянул свой тугой лук и пустил калену стрелу; разом сииб чудищу все три головы, вынул три сердца, привез домой и отдал матери (*Притворная болезнь*, № 207, Афанасьев, 1957, II, 114). Появляются лебедь как объект питания, стреляющий из тугого лука каленой стрелой Иван-царевич, отдаваемые матери три головы, три сердца чудовища (которые тот *разом сииб, и все три*, что также не безразлично, но требует обстоятельных пояснений).

В *Обрядовых песнях Сибири* встречается то же, и постоянное, определение, хотя и в другом контексте. При прощании с красотой⁶ от лица невесты причитывается: *Вы красуйтесь, мои родимые сестрицы, Сколько я, млада, красовалась У родимого своего батюшки, У родимой своей матушки, У братцев-то, ясных соколов, У сестриц-то, белых лебедушек! Если вам эта красота не глянется, Отдайте вы эту красоту Моему-то братцу родимому* (ОС, 46). Текстов подобного рода, считая возможные варианты, в целом немало. *Лебедушкой* определяется также сестрица, опять же в контексте прощания с красотой: *Я отдам-то, отдам свою красоту Я лебедушке своей сестрице, Я голубушкам подруженькам. Вы носите мою красоту По праздничкам, по воскресным дням Во матушку во божью церкву* (ОС, 58).

Небезразлично при этом, что в песнопениях в ожидании поезда героиня определяется как чужое в своем доме, как *гостья, у тятеньки, у маменьки, у братцев – ясных соколов, у сестер – белых лебедушек*, к кругу которых она не относится, да и не может она погостить *У всего у роду-племени, У любезных подруженек*, поскольку при том, что *Уж я рада бы весь век гостить У родимого у батюшки, У родимой своей матушки, Да за мной скор посол послан Со чужой дальней сторонюшки, За моей буйной головушкой, За мою за русой косой; Увезут-то меня, младешеньку, На чужую сторонюшку К свекру батюшке, к свекрови, матушке* (ОС, 91). *Тятенька, родимый батюшка, маменька, родимая своя матушка*, с одной стороны, *свекор батюшка, свекровь матушка*, но не родимые и не свои, с другой, которым надо понравиться, в доме которых еще предстоит прижиться, и нет в том доме и в том роду-племени ничего *лебединого*.

С проекцией этого *лебединого* связываются подруженьки основной героини, они же *голубушки*, и часто *сизые*, как лебединое стадо. При прощании с родными местами («Выходы на утор» в «Неделю»⁷),

⁶ Как символ не только девичества, но и предбрачного состояния в целом, воплощаемый материально в украшающих девицу, прежде всего, косе, лентах, уборе и пр., с чем ей необходимо расстаться перед вступлением в брак. См. об этом такие, к примеру, работы: Колесницкая, Телегина, 1977; Бернштам, 1982; Гвоздикова, Шаповалова, 1982; Зорин, 1990; Денисова, 1995; Мадлевская, 1995; Мадлевская, 2007.

⁷ Перед свадьбой, когда невеста около недели проводит время с подругами, которые шьют, приготавливая ее к венцу: «Всю неделю до свадьбы невеста сидит с подругами завешенная и даже спит, как говорилося, *не сывая фаты* ... откидывая ткань выше лба, когда нет гостей, но когда кто-то приходит, тотчас опускает фатку, хлестнетце и начинает причитать. Так, с перерывами, невеста причитает всю неделю, обычно даже и охрипнет к концу. Причеты невесты разделить можно на две большие группы: причитания дома и причитания по выходе на улицу, на уторы, – особенно торжественные и развернутые. В них, в этих уличных причетах, сквозная тема недельных причетов – горе расставания невесты с домом – достигает наивысшей силы» (РС, 46).

с обращением к подружкам, причитывается: *Мои сизы́е голубушки, Мои милы́е подруженьки, Дак стадо вас лебединое, Да с краю все до единые! Не и кажонной вас на́ имя, Да и кажонной вам кланеюсь: Похвалите, голубушки, Сторону́ ту родимую, Да деревню́ ту красивую, Нашу славу Русаниху* (РС, 73). С одной стороны, себя отражает единство в неразличении, с идеей целого в стадности, при этом вроде бы как и без имени для одной (*Не и кажонной вас на́ имя*), а с другой, хотя и без имени, но отдельно для каждой – *Да и кажонной вам кланеюсь*, что можно считать немаловажным мотивом для восприятия человеческого как *лебединого*.

Связываясь с *белой лебедью*, и при этом последовательно, характеризуется в песнях обряда первой позиции (до появления жениха, при прощании с красотой), через отрицающее сопоставление (не то, а то), сама героиня: *За клетью, за границею, За стеной белокаменною Не бела-то лебедь восыкала – Акулина восплакала, Петровна возрыдала Об своей девъей красоте!* (ОС, 59–60). Варианты этого причитания включают мотивы семян (сахарных, голубиных) и полей, появившихся из этих семян, с противопологаемым и намеренно сталкиваемым контрастом черного и белого, черного от сурьмы, белого – лебеди: *Семена мои сахарные, Я немножечко вас посеяла, Ведь много уродилися. Как одно поле до Киева, Второе – Чернеево. Не черна сурма возрыдала, Не бела лебедь воскыкала Между этими двумя полями широкими. Тут расплакалась, растужилась Душа красна девица По своей русой косе И по девъей красоте* (ОС, 61). *Семена мои голубиные, Я немножко вас посеяла: Я посеяла ровно три зерна, Уродилося вас три поля, Три раздольица широкие. Между этими тремя полями Не бела-то лебедь восыкала, – То восыкала, восплакала Душа красная девица...* (ОС, 62).

Мотив полей, двух и трех, выросших из семян, поскольку сахарных, голубиных, то сладких и добрых, контрасты черного с белым, и поле Чернеево, с плачем души красной девицы, не белой лебеди, между ними, расстающейся со своей красотой, – воспринимать это все в таком сочетании можно как вынужденное прощание с тем, что выросло, появившись и после достигнув, обратившись в нее, женское зрелое родовое в ней, что, ею посеянное, составляет при этом ее самое. Довольно сложный и философский образ добрачного пребывания и существования девушки, переплетающийся, переходящий с одного на другое. И на фоне этого *бела лебедь*, которая не сама героиня – красная девица, но тогда чем и как объяснить ее появление, если не воспринимать это как чисто художественный прием, поскольку традиция народной культуры не предполагает такого к себе отношения?

Как представляется, отнюдь не случайно героиня как лебедь белая в позиции первой фазы (до появления жениха) не определяется,

характеризуясь, что было показано, через отрицание – не бела лебедь, а красная девица. Появляется белая лебедь в этой фазе, в материале, правда, другого источника, приходя к самой девице с сообщением о том, что ее ждет, в причетах подруженькам: *Я сидела, горющиця, Под сутнім⁸-то окошецьком. Тут летела белá лебедь, Мне махнула сизым крылом: – Ты не плаць, не плаць, девушка, Не круциньсе, родимое, На чужой-дальней стóроне Не пекено да не стряпано, Вся родня не сбирайтце, Про тебя не сряжайтце. – То слава́ ли, слава́ богу, Я ище покрасуюсе Здесь, на здешной-то стóроне. С таким продолжением: Я сидела, горющиця, Под сутнім-то окошецьком, Так летел жо ясен сокол, Мне махнул же сизым крылом: – Уж ты плаць, ты плаць, девушка, Ты круциньсе, круцинное, На чужой-дальней стóроне Наваренó пиво пьяное, Напекенó да настряпано, Вся родня собирайтце, Как воронье-то слетайтце, Про тебя-то сряжайтце* (РС, 111). Поначалу – не плаць, поскольку *Не пекено да не стряпано*, что сообщается белой лебедью, и затем – *Уж ты плаць*, поскольку *Напекенó да настряпано*. И об этом – в словах ясна сокола. Белая лебедь, своего родового, женского кормящего материнского, ясный сокол, своего молодого мужского сильного и надежного – то, что поддерживает, что заботится, появляясь и приходя в критическую минуту ожидаемого расставания и перехода к чужому роду и на чужую сторону, *Вся родня* которой слетается как *воронье*.

60

Мотив предупреждающего сопровождения, связанного с ожидаемым расставанием и переходом, проявляет себя и в белой лебеди, при этом роли ее и ясна сокола обращаются. Сначала появляется ясен сокол с утешением: *Как в ту пору да в то времецько Да прилетел жо есен сокол Уж он махнул да мне на крылышке: – Да ты не плаць, не плаць, девиця, Да не круциньсе, круцинная, У чужá-то чуженина Три несцястья слуцилосе: Неваренó да пиво пьяное, Некуплено вино зеленое, Не пекенó да не стряпано, Да вся семья-то нездоровая. Неподготовленность определяется как *Три несцястья У чужá-то чуженина*, и это становится поводом отдохновения в связи с предыдущей – еще не сейчас: *Да што слава́ ли да слава́ богу, Слава Христу-ту небесному, Да я ишчо да покрасуюсе!*, сменяясь, однако, тут же появлением белой лебеди: *Как в ту пору да в то времецько Дак прилетела да лебедь белая, Села в сутки да на окошецько.**

⁸ «Красный угол, здесь его называют *сутки*, помещается наискосок от входа, справа (ежели печь слева), а наискосок, в левом противоположном дверям углу, против устья печи, обращенного к передним, *сутним*, окошкам, находится хозяйственный угол – *куть*» (РС, 28). «Три окна в зимовках, перед кажным и прошпачаетце: *Я под сутним окошецьком цяй пила, да обедала, под середним окошецьком шила браны платоцики, я плела поясоцики, а под третьим окошецьком в лапотки обуваласе, да на роботку сряжаласе*» (РС, 208).

Дак шчо сказала да лебедь белая: – Дак ты поплаць, поплаць, девиця, Да покруциньсе, круцинная, Да у чужа-то чуженина Да вся семья-то здоровая, Наварен⁹ да пиво пьяное и т.д. Радость сменяется растерянностью и стремлением скрыться от неизбежности, обратившись, сначала в рыбу – Да охти, ой, да тошнешенько, Да мне куда теперь деватисе, Да мне куда да потерятисе? Дак обернись я, да молодешенька, Да белой рыбой-белужинкой, Да цюла-слышала, мо́лода, Што у чужа-то чуженина Есь невода те шелковые, Да што изловит жо чуж-чужень... Затем в серую утку, селезня⁹, и на них у жениха есть снаряд. После чего – в Киев богу молитисе, Да к Соловецким-то за́ море. Но и это не выход, поскольку Дак цюла-слышала, мо́лода, Дак все прервал да все дороженьки, Да не уйти да не уехати (РС, 112).

Мотив неизбежности находит свое отражение в том, что чуж-чуженин обладает способностью выловить, застрелить (белую рыбу-белужинку, серую утку, селезня), что у него все подготовлено и продумано, окружено и прервано, нет пути и проезда. И это ее состояние окружения и обреченности в белой лебеди для нее самой не находит своего выражения, – прилетев, бела лебедь ей сообщает об этом.

Материнское родовое прямо и непосредственно определяется образом матери. В ожидании поезда¹⁰ от лица героини поется следующее: *Вы подруженьки, голубушки, Воскличьте зычным голосом, Потешьте меня, красну девицу, Меня при горе, при кручине, При зазнобушке сердечною. Зазнобил серцо родимый батюшко С лебедушкой родимой матушкой. Наложила-то печаль родима матушка Со всех моих подруженек, Со всех моих голубушек, Со всего-то свету белого, Со всего-то лесу темного...* (ОС, 87). От нее, от родимой матушки, исходит печаль ожидаемого перехода и расставания. Но это, вместе с тем, лебедушка, а не лебедь белая, следовательно, не то, чтобы что-то другое, однако еще одна лебедина ипостась. Мужское родовое, сокольчика, отца, и женское, лебедушки, матери, находят свое отражение в еще одной песне в ожидании поезда, в которой то и другое характеризуются не как причина, но как объекты разлуки: *Разлучать хочут меня, красну девицу, Со сокольчиком родимым батюшком, Со лебедушкой родимой матушкой, Того-то горче – со русой косой, Со хорошей девьей красотой* (ОС, 104).

⁹ Ср. обращение героя в белого лебедя в стремлении уйти от преследователя в лице колдуна, когда с третьего раза «ударился оземь и полетел по поднебесью белым лебедем; а Ох за ним ясным соколом» (*Хитрая наука*, № 251, Афанасьев, II, 293). Не случайно на белого лебедя – ясный сокол (начало женское и мужское в народной традиции и то же в свадьбе).

¹⁰ Свадебная процессия жениха, направляющаяся за невестой, сопровождает молодых к венчанию и в дом жениха.

Что интересно и не случайно (и здесь возникает вторая фаза, приезд жениха), в стаде серых гусей предстает белой лебедью сватья¹¹, определяясь для них как чужая: *Розлилось сине-моряшко Да на широкой-то улоцьке. Да моряшко сколубалосе, Да на мосты заливалосе. Да ишчо сколубалосе, В ізбу к нам заливалосе. Да ишчо сколубалосе, Да за столы заливалосе. Да как по этому моряшку Да плывут гуси-те серые. Замешалась белá лебедь Да ко серым-то гусям в артель. Да не лебедь-то белая, – Да цю́жа сватья-то княжая. Скруцена́ да наряжона, Да за столы-те посажона* (РС, 113). Первоначально как утверждение – *Замешалась белá лебедь*, затем через отрицающую параллель – *Да не лебедь-то белая* и, наконец, прямо в таком варианте: *Што за вешная за вода, Как она сколыбаласе, Да к нам во двор заливаласе. Как по этой-то по воде Плывут гуси-те серые, Во гусях замешаласе Одна лебедь-то белая, Это сватья-то княжая* (РС, 115). Место сватьи в обряде особое, это женское родовое знающее, одной из задач ее является оберег, защита невесты и жениха, а также поезда и поезжан от порчи и сглаза. Поскольку сватьей, как правило, бывала крестная мать, она, с одной стороны, воплощает в себе материнское, а с другой, защитное, ограждающее, не вполне от другого рода (сватья могла быть родственницей), но и не непосредственной семьи жениха, т.е. иного, хотя и близкого, родового круга. Отсюда *Во гусях замешаласе Одна лебедь-то белая, Это сватья-то княжая*. Поскольку женихово стадо не лебединое.

62

Мотив параллели к лебеди белой появляется в песнях Сибири при ожидании поезда. Представляется это следующим образом: *Как по морю-то, морю синему, Морю Хвалынскому*¹² *Плавала лебедь, плавала лебедь, Лебедь белая, Крыльями била об сине море, Жалобу творила синю морю: Море, ты море, море синее, Море Хвалынское! Как я отстану от синя моря, От Хвалынского? Как я пристану ко ржавчатой воде, Ко болотяной траве? Будет зима – зима студеная, Выпадут снега – снега белые, Будут морозы крещенские, Подзябнут ножки лебединые* (ОС, 90). Сама невеста здесь не появляется, а ее воспринимают через соотношение: лебедь белая, которой предстоит от синя моря отстать, с тем чтобы пристать ко ржавчатой воде, ко болотяной траве, от своего родового

¹¹ Ср. у В.И. Даля такую пословицу: *Гдѣ тетка, тамъ и сваха. Наша тетка и сама лебедка* (Даль, 1862, 415) и его же объяснение в словаре: «Въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ особыхъ свахъ, свать и сватья крестные родители жениха, или дядя и тетка, они и сватають ... Сватья, стѣв. болѣе прилично чествуютъ сваху. ... На хорошей свадьбѣ, для обряда, три свахи: женихова (сватавшая), невьстина (расчеши-косу, погуби-красу, или подвѣнчанная), и постельная (или пуховая)» (Даль, 2000, IV, 145).

¹² Древнерусское название Каспийского моря в народных песнях встречается как обобщенное определение водоема – большой воды.

к семье жениха. После чего ничего доброго ей не ожидать, поскольку будет зима студеная и с ней снеги белые, и морозы крещенские, и подзябнут тогда ее ножки лебединые.

Нечто подобное можно заметить в обряде девичника севернорусской свадьбы. Здесь также и с приближением венчального дня объявляет себя параллель плавающей лебеди, однако в весьма необычном на первый взгляд повороте. Поначалу это лебедь с лебедятами, Со малы́ми со дитятами, которая плыла с-по морю, морю синему. Плывши, лебедь стрепинуласе, (2 раза) Под ней вода, (2 раза) Под ней вода сколыбаласе, (2 раза) Негде взялсе, (2 раза) Негде взялсе доброй молодець-душа, (2 раза) Уж и побил, (2 раза) Уж и побил лебедь белую, (2 раза) Он пух пустил, (2 раза) Он пух пустил по поднебесью, (2 раза) А перышки, (2 раза) А перышки по синю морю, (2 раза) Негде взялась, (2 раза) Негде взялась красна девиця-душа, (2 раза) Брала перье, (2 раза) Брала перье, приговаривала: (2 раза) «Я батюшку, (2 раза) Я батюшку во перинушку, (2 раза) Я матушке, (2 раза) Я матушке во подушецьку, (2 раза) Милу дружку, (2 раза) Милу дружку в церну шапоцьку» (РС, 163).

Что может собой представлять в контексте обряда лебедь белая, которую побил доброй молодець-душа, пух пустил по поднебесью, перышки по синю морю, а красна девиця-душа – Брала то перье и для батюшки, и для матушки, и Милу дружку в церну шапоцьку? Не невеста это, а лебедь белая с лебедятами. И жених ли побивший? Или, скорее, кто-то и что-то вместо него, не в его замещение, но как родовое начало и представительство. В такой необычной и сложной форме, хотя и типичной не только для свадьбы, воплощает себя совершившееся как неизбежное положение: родовое начало невесты и женского подчиняется, побиваясь, началом мужского со стороны жениха, и все то идет (как перье) в украшение, во перинушку батюшке, во подушецьку матушке, в церну шапоцьку Милу дружку, который к тому же и не фигурирует прямо и непосредственно как жених.

Идея красоты в той же лебеди обнаруживает себя еще более ярко и далее: Ой, с-по логу, логу розливаласе вода, э-ой, С етой с-по рицюшке белá лебедь плывет, ой, Выше бережку головушку несет, ой, Гребешком головушка уцесанная, э-ой, Алою лентой да перевязанная, э-ой, Завтра у батюшка пир закипит, Мне-ка молоде да тут и быть на пиру, э-ой, Пива да вина да не припити будет, э-ой, Сладково меду да не прикушивати, э-ой, Ласково слова да не прислушивати (РС, 163). Нет здесь побивания белой лебеди, но есть то, что на деле не в параллель, а как знаковость, проступившее означение того (по логу, логу розливаласе вода), что уже наступило как состоявшееся положение в своем родовом, объявляя себя в украшенном виде лебеди – Гребешком головушка уцесанная, Алою

лентой да перевязанная. И, что при этом немаловажно, *Завтра у батюшка пир закипит, и Мне-ка молоде да тут и быть на пиру*, но не в радость и не в приобщение, поскольку *Пива да вина да не припити будет* и т.д. Не ее теперь этот пир и сладость его, не своя она будет в роду своем, и отмечается это в знаке плывущей украшенной белой лебеди.

В еще одном варианте того же, с плывущей белой лебедью, с голушкой уцесанной, алой лентой перевиванной, [*Завтра у матушки пир закипит, э-ой,*] (у матушки, не у батюшки), и *Мне-то молодо, дак не бывать на пиру, э-ой, Пива да вина да не пивати будет, э-ой, Хлеба да соли [не приестьи буде...], э-ой, Слат(ы)кие водоцьки не кушивати* (РС, 180). Случайно или не случайно такое отличие? Можно ли полагать, что родовое матери отличается в этом случае от родового отца в сторону неприсутствия на пиру молодой? При том, что ответ на этот вопрос потребовал бы глубокого и обстоятельного исследования, подобное допущение видится непротиворечивым, если учесть дополнительно, что белое лебединое следует из материнского родового, точнее от того, что от матери в своем для невесты роде.

64 Тот же мотив белой лебеди, – *Ой с-по л’огу, л’огу да розливал’асе вода, э-ой, Стадо вас(ы) лебедин(ы)ное да, С-по зеленому быстра рицька бежит С-по этой с-по рицюшке бел’а лебедь пл’ывет*, – проявляет себя в непосредственной песенной смене с подруженьками, сизыми голубушками (*стадо вас лебединое*) в еще одном варианте, выстраиваясь в повторяемую схему ‘луга – воды (по лугу тому разливается) – речки (бегущей по этому лугу из этой воды) – по той речке лебедь плывет – украшенная, с голушкой причесанной, с алой лентой’. И тут же подружки, сменяемые в пении в параллель к тому, что с лебедью и вокруг лебеди, с обращением к ним, и с завершением – так, как у лебеди (у меня молодой) *Русая коса да переплётенная, э-ой, Алою лентой перевязанная, ой... Зав(ы)тря (й)у батюшка пир(ы) закипит, ой. Мне-ка, мо́лоде, да не бывати на пиру, ой* (РС, 192) и т.д.

Белой лебедью предстает девица, в своем собирающемся к тому, что ее ожидает, приготвлении (*сряжаласе*), появляется также мотив выбираемого любого: *За тынком-то было ли, за тыноц(и)ком дак(ы), За зеленою было сосен(ы)кой, ой да, За сереб(ы)ряной решетоцькой да Девка мыл’асе, умывал’асе да, Бел’ой лебед(и)ю сряжаласе да, Обойду-ту я два раз(ы), три раз(ы), Я любово-то сибе выберу да, За правую-то руцьку выведу* (РС, 200).

И, наконец, утро венчального дня, в котором, до женихов, девица причитает, и в этом причитывании та же русая коса с алыми ленточками – *дивья красота*, и, что крайне важно, оборачивается все это в преобразование, сочетающее в себе *гусиное* и *лебединое*, в ней самой, а не для нее:

*Я по край-то полу хожу, По край лавоцьке я сижу. Цестна дивья-то краса
Поверх буйные головы, По конець-то русы косы, По край алых-то лентоцек,
Да на самых вершиноцьках, Да на самых волосиноцьках, Да навеласе топерници,
Да приростила-то крыльице, Да перьице лебединое, Да крыльице-то гусиное...
Вместе с тем не сама она эта лебедь и гусь, хотя эти их крылья и перья
на ней, ее красота это, с которой необходимо расстаться: Да спорхонуть
да и улететь Да от меня, молодехоньки. Да полети-ко, су-красота, Да во
леса-те во темные, Да не садись-ко, су-красота, Да на прутистую елоцьку,
Да тут иголки колющие – Да испроколешь-то крыльице ... Да не садись, моя
красота, Да на прокляту осиноцьку, На горькую лесиноцьку – Да прутьице
ломоватое. Да листице шумоватое. ... Пережди-ко, су-красота, Да на белую
березоньку, Да не белую-белавую, Да на вершинку кудрявую. Да полети, моя
красота, Да к Соловецким-то за море. У Соловецких-то за морем Есь
сады-те тыненные, Да луга-те зеленые (РС, 211). Не просто необходимо
расстаться, но отослать красоту свою девичью на белую березоньку, за
море, где сады-те тыненные, Да луга-те зеленые.*

Тем самым и вместе с тем, замыкается круг – того, что был с лугом, морем, разлившейся водой, по которой (речке, морю) плыла лебедь белая, с головушкой причесанной и с алой ленточкой. *Лебединое*, таким образом, соотносится с тем, что в девице связано с *дивьей* ее *красой* как воплощением наступившей в ней зрелости, от родового и материнского в ней, как следует полагать, но с которым ей предстоит, преобразившись, расстаться, отправив и, тем самым, скинуть и снять, от себя.

Согласуется это с общеизвестным мотивом девицы-лебедушки, двенадцати сестриц-лебедушек, скидывающих с себя лебединые крылышки, которые прячет героиня (у одной из двенадцати), после чего та не может от него улететь и вынуждена за него выйти замуж (*Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что*, № 214, Афанасьев, 1957, II). И в еще более ярком мотиве женского девичьего, нечеловеческого в своих умениях и способностях, которое в сказке *Данило Бессчастный* (№ 313) (не случайно *бессчастный*) описывается следующим образом. Наученный старой старухой заплатано брюхо, придя к синю морю и став у сыра дуба, в самую полночь хватает он вышедшего из моря Чудо-Юдо, морская губа, без рук, без ног – одна борода седая! ... за ту борду, бьет его о сырую землю и требует в ответ на вопрос «За что ты бьешь меня, Данило Бессчастный?» – «...дай мне Лебедь-птицу, красную девицу, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы – косточки, а из косточки в косточку мозг бы переливался, словно жемчуг пересыпался». Через малое время плывет Лебедь птица, красная девица... (Афанасьев, 1957, III, 19–20). Помогая ему в выполнении невыполнимых заданий, она ставит условием, что тот возьмет ее за себя.

Важным во всем этом видится то (с учетом предпринятого анализа), что необычность ее умений при осуществлении не поддающегося человеческой ограниченности связывается с потусторонностью, с тем, что от Чуда-Юда, от моря при дубе, и что сквозь перья ее не только виднеется тело, но тело это прозрачно и нереально воздушно, виднеются косточки, а из косточки в косточку переливается мозг, словно жемчуг пересыпается.

Не менее интересен в указанном отношении конец этой сказки. Лебедь-птица красная девица, она же в одном из вариантов Лебедь, и не случайно, Страховна, мир людей покидает, но прежде чем улететь, не пойдя к гостям на трехкратный зов Данила Бесчастливого, услышав слова Алеши Поповича: «Если б это сделала моя жена, я б ее научил мужа слушать!» ... вышла на крыльцо, молвила словечко: «Вот-де как мужей учат!», крылышком махнула, головкой кивнула, взвилась-полетела, и остались гости в болоте на кочках: по одну сторону море, по другую – горе, по третью – мох, по четвертую – ох! Отложи, князь, спесь, изволь на Данилу верхом сесть. Пока до палат своих добрались, с головы до ног грязью измарались! (Афанасьев, 1957, III, 22). Показано то, каким образом она действует, проявляя неземные свои способности – крылышком махнула, головкой кивнула (ср. крылышки и учесанную головку свадебной песни), а, улетев, оставляет гостей в болоте на кочках: по одну сторону море, по другую – горе, и не просто, а по всем четырем сторонам, так, что не пройти, не проехать (ср. ржавчатую воду, болотную траву при море Хвалынском в свадебной песне). И затем далее – Пока до палат своих добрались, с головы до ног грязью измарались! То, что было при ней, рассыпается, преобразуется, обращается в пух и прах при отлете ее, мир вокруг становится оборотным, болотным, мшистым и грязным, поскольку не просто она Лебедь-птица, а Лебедь Страховна, не сего мира, и, попадая в сей мир, а затем покидая его, не она, но то, что с нею и в ней, неизбежным образом обращает то существование, которое есть и которое обжитое и человеческое, в его исподнюю, грязно-болотную противоположность.

Возвращаясь к утру венчального дня, можно заметить небезынтересное соотношение. Если в пении от лица героини лебединый мотив отражается в том, что касается девичьей красоты, у которой Первице-то павиное, А крыльце лебединое и с которой приходится расставаться, – Да хочет ладить жо краса Спорхнути да улитить (РС, 221), то в пении девок-подруг она прямо определяется лебедью – Ой уж да потеряли да лебедь белую Уж из стада да лебединово, Уж прилуцили лебедь белую Уж ко стаду да ко серым гусям (РС, 240). И в таком варианте: Отставала да лебедь белая, Как што от стада да лебединово, Дак приставала да лебедь белая Ко стаду – серым гусям (РС, 243).

Важно также отметить следующее. Девичья красота персонифицируется, сама она наряжается, белится-румянится, с тем чтобы улететь, и девица с ней лишь расстается (ср. мотив белой лебеди, украшенной, с головешкой учесанной, алой лентой перевиванной): *Дак я ходила жо, девица, С красотой расставатисе. Дак все осталасе красота В горнице на престольице, Билитце да руменитце, Хоцет ладить жо красота, Навести сизо перьице, Она приростить-то крыльце. Перьице-то павиное, А крыльце лебединое* (РС, 221). А в пении девок невеста определяется не только как лебедь, но и как ведущая, заводящая, стадоводница: *Потерели голубушки из стада стадоводницу. Напередь стада ходила, за собой стадо водила...* Ср. хотя бы такое не случайное замечание: «По мере движения вниз по Кокшеньге образ в этом причете трансформируется. Невесту начинают называть лебедушкой: ...потеряли лебедь белую, а в Усачихе даже сказали, что поют тут *Отставала лебедушка, да от стада лебединого...* (так что *стадоводница* превращается постепенно в эту известнейшую свадебную песню)» (РС, 220). Как тенденцию, следовательно, можно отметить перенесение признака *лебеди* с девичьей красоты (но это все же другая *лебедь*) на «лебединость» невесты, но лишь тогда, когда ее прощание с красотой состоялось и она подготавливается к появлению жениха.

В день венчания у невесты происходит застолье, жениху с невестой поют *Виноградье* – торжественную славу молодым, в котором находит свое отражение и *лебединый* мотив, но в совершенно ином повороте. Появляется сряжаемый белый лебедь, и не один, со стадом: *Они думали-гадали, Бела лебедя сряжали ... Белой лебедь-от идет, Лебедей стадо ведет ... Што Ондрию-молодцю Да на резание ... А што Анне-то душе Да на кушание* (РС, 258). Перед этим, также сряжаемый, серый соболь со стадом, которого отпускают *В цисто поле*, а после лебедя – серый корабль, также со стадом, отпускаемый *в сине морé* – *Все Ондрию молодцю, да На житье да на быттье ... А все Анне-то душе На богацество* (РС, 259). В другом варианте роли меняются: *Белую лебедь по поднебесам спускали, а Черной соболь-от идет да, соболей стадо ведет да ... Это Филиппу-молодцю да на шубоц(и)ку ... Лизавете-душе да на кошулец(и)ку...* (РС, 287). Как бы там ни было, отпускаемая ли в поднебесье белая лебедь (женский род) или идущий на резанье белый лебедь (здесь мужской, хотя далее *Бела лебедь-от плывет да, лебедей стадо ведет да ... Лизавете-душе да на ружан(и)е ... Филиппу-молодцю да на кушан(и)е*), – в общем ряду с сободем и соболиным стадом, кораблем с корабельным стадом, выступают в контексте пожелания молодым довольства и обеспеченной жизни.

В жалостливом причитании невесты того же дня по своей нелегкой судьбе у чужих определяет она себя *лебедью белой*, но уже через

время, после замужества: *Моя слеза ты горецзя, Да сухота ты серьець-ная, Моя родимая мамушка, Не заморозь меня, мамушка, На широкой-то улоцьке ... Находилась, нагулялась Я по широкой-то улоцьке. ... Накажу наказаньице ... Дак доживешь, моя мамушка, До весны-то красивые, До поры до роботные, Станешь поутру ранехонько, Выйдешь по дровци на улоцьку – Не бери в руцьки палоцьки, Да не шибай птицьки-пташеци. Это не птицька-то пташиця – Да то твоя доць, лебедь белая, Обругана да оброняна, Да поутру рано сбужона, Да завтриком не накормлена, На роботку отправлена... (Мать ревит, но не причитает.) (РС, 313).*

Лебедью белой предстает также в пении невесты кроильница¹³ (если из родни), та, что ей подносит витушку во время застолья и у которой девица просит помощи: *Ко тебе, лебедь белая, Дак поцясто в гости ходила, Подолго в гостях-то гостила ... Побеспокойсе, голубушка, Да за меня, молодешеньку: У меня, молодешеньки, Верей пошатилисе, Да двери все отворилисе, Сундуцьки отокрылисе, Да трубоцьки развернулисе, Раскроило, розмерило, Одним цясом розвезало. Дак ты поробь, лебедь белая, На меня, на бездельницу (РС, 314).*

68 Последовательно (о чем уже говорилось) лебедушками, стадом лебедушек, белой лебедью, лебедушкой (если одна) определяются подруги невесты, ее сестры, другие родственницы. Находит это свое отражение при обращении к ним, при отдавании им также красоты: *Тебе сдаю, лебедь белая, Цесну дивью-ту красоту. Ты носи сберегаюци, Да меня споминаюци. (Отдает ленты подружкам. Из косы, другие из шали кисточки рвут.) (РС, 328). Ты, лебедушка белая, Засвити-ко, су-сестриця, Три свеци-те стерлиновы ... Розышчи-ко, су-сестриця, Мою дивью-ту красоту. Благодарю, низко кланяюсь. Я еще покрасуюсе Немного-то времецька (РС, 348). Мне куда девать красоту? Разве сдать мне-ка красоту Дак лебедушке белой, Родимой-то сестрице? Ты носи-ко, су-сестриця, Ты носи, сберегаюци, Все меня споминаюци (РС, 350). И, не называя себя прямо лебедью, но подчеркивая в своем переходе от стада лебединова к стаду гусиному смену своего состояния от девушек к бабоцькам (ср. приводившееся ранее: *Дак охти, мне да тошнехонько! Видно, отстала я, молада, От стада лебединново, Видно, пристала я, молодехонька, Да ко стаду-то гусиному, От девушек отколилесе, Да к бабоцькам обратилесе [РС, 339]).**

Интерес представляет еще одно место, в котором лебедью белой называет себя невеста, но в отнесении к будущему, на чужой стороне и, тем самым, в замужестве: (Вечером в день заporук собирается гулянка. Девки, ребята.) *Моладци вы удалые, Соколы вы крылатые, Не*

¹³ Та, что кроит наряд для невесты на свадьбу. «Кроильница выбиралась из родни жениха ... или просто из местных деревенских мастериц» (РС, 42).

на то вас звала, Што веселых-то пѣсен пѣть. Я на то вас звала, Што горьгорьких-то слез ронѣть. (Вырывает гармони.) Не играйте-ко, молодци, Во сафьянны гармошецьки: На чужой-дальней стóроне Укоряют да и упрекнут, Што у тебя, лебедь белая, Была свадьба веселая (РС, 321). Укоряют, упрекнуто – поскольку не должна быть свадьба веселая, что не *писен* положено на ней *пѣть*, но *горьких слез ронѣть*. С одной стороны, получается, свадьба не повод для радости, – в совмещении или не в совмещении с позицией стороны жениха, поскольку возможно и то и другое? С другой стороны, героиня, однако потом, не сейчас, будет *лебедь белая*, но при этом в словах упрекающей мужьей родни.

Получающийся общий вывод, как на материале обряда севернорусской, так и сибирской свадьбы, предполагает такую, в отношении *лебединых* мотивов, картину. *Белой лебедью* и *лебедушкой* не называет себя невеста, определяя себя таким образом в отношении будущего своего и замужнего состояния на чужой стороне, словами чужой для нее родни либо с позиции своего у них горевания. *Лебедями*, *лебедушками* вместе с тем предстают ее матушка, сестрицы, дочери общего у ней с ними отца, не она сама, в этот круг не входящая, а также подруженьки, родственницы. Появляется *лебедь белая*, к тому же украшенная, как воплощение девичьей красоты, с которой ей предстоит расставание. И та же *лебедь* – как знаковый образ того, что ее ожидает, что отдадут ее на чужую сторону и что придет за ней чуж-чуженин. Еще одним частым мотивом становится *лебедь* как символный знак угощения (*Скатерть раскинуть*, *Белу лебедь разрушать*, *Яству начать*, *Гостей попочевать*) и как то, что, составляя предмет пожелания молодым («Виноградье»), назначается к *рѣзанию* и *кушанию*. В причитаниях сибирской свадьбы, до появления жениха, определяется героиня, в параллель, как не *лебедь (воскыкала)*, а красная девица. При переходе и расставании со своим, ей родным, отмечающих ожидаемую смену предбрачного в брачное состояния, с обращением к родовому семейному жениха, возникает мотив отставания от стада *лебединого* с приставанием к стаду *гусиному*. *Лебединое* и *лебеди*, в стаде, – семейное родовое свое. *Гусиное*, в свою очередь, то, что у жениха и родовое чужое. Невеста при этом не становится гусем, гусыней, среди них, но *белой лебедью*, которую те щиплют, клюют и рвут ее перышки.

Гуси-лебеди также объект охоты, стреляния из туга лука для жениха, чем отмечается его способность и зрелость, за что его жалует царь-государь (наивысшее родовое и верхнее), поскольку гуси-лебеди предназначаются молодым для него.

Обращаясь к мотиву совместности, или совместного стада гусей-лебедей, как родового в обряде присутствия, приведем два таких

песнопения из сибирской свадьбы. В приезд с появлением жениха так называемое «Бранье» (невесты) сопровождается, наряду с другими, такими словами: *Не стой, рябина, по край берегу, Не мочи ветви во быстру реку; Не летай, соловей, один в саду. Много со мною гусей, лебедей, Больше того серых уток; Нет лишь со мной перепелки одной. Не сиди, Андреан, один за столом, Не сиди один за белодубовым. Много со мною князей и бояр, Больше того княжецких детей; Нету со мной Катерины одной, Нету со мной Севастьяновны* (ОС, 168). И в таком варианте: *Зачем, соловей, Ты один во саду? – Право, не один: Господь бог со мною; Много со мной, И гусей, лебедей; Больше того, Мелких пташечек; Только со мной нет Белой лебедушки, Где ей не быть, (2 р.) А ей быть у меня. – Зачем, Григорий, (2 р.) Зачем, Иванович, Один в терему? – Право, не один: (2 р.) Господь бог со мною; Много со мной (2 р.) И князей, и бояр, Больше того (2 р.) Княжеских детей; Только со мной нет (2 р.) Моей суженой, Только со мной нет (2 р.) Моей ряженой. Где ей не быть, (2 р.) А ей быть у меня, Чьей ей не слыть, (2 р.) А ей слыть мою* (ОС, 168–169). *Господь бог со мною* (ср. царь-государь), наивысшее, и тут же, при этом, *Много со мной И князей, и бояр*.

Не опуская мотив одиночества с необходимостью восполнения (*рябина, соловей, один во саду*), обратим внимание на такие интересующие нас параллели: *гуси, лебеди*, которых много, а *серых уток* (*мелких пташечек*) *больше того* – и *перепелка* (*Белая лебедушка*), которой нет, но которой *быть у меня, слыть мою*. Возникают два взаимодействующих представления, собственно говоря, два семантических мира, на основе которых, по внешнему виду, появляется сопоставление, а внутренне некий метаморфический, от метаморфозы, посыл: так, как соловей и что соловей, так и что молодой и вместе с тем соловей, так, как и что гуси, лебеди, так и что князя и бояре (а уточки, пташечки – дети), так, как и что перепелка, белая лебедушка, так невеста, суженая и ряженая, но, что необходимо добавить, с позиции жениха (которую, хотя она и суженая ему, необходимо добыть). *Гуси, лебеди*, следовательно, наряду с другим, преобразованно-воплощенное свое, жениха, родовое, те верховные старшие, поскольку князя и бояре, что с ним и при нем.

Начало боярского, а для сознания родового высокого, проявляя себя на свадьбе: *гуси и лебеди* – большие и малые бояре (а может, и наоборот), как свадебные чины стороны жениха, не непременно родни его, но поезжане, – согласуясь с народной традицией, находят свое отражение в сказках. Спасают героя от ведьмы, бабы-яги, возвращая его к родным: *Ивашко ... смотрит: летят гуси-лебеди; он и просит их: Гуси мои, лебедята, Возьмите меня на крылята, Понесите меня до батиньки, до матиньки; У батиньки, у матиньки Пити-ести, хорошо ходити!* (*Ивашко и ведьма*, № 108, Афанасьев, I, 175). *Лутонька*

закричал жалобным голосом: «Ах вы, гуси, ах вы, лебеди! Прилетите ко мне, вырвите по перышку». Гуси-лебеди прилетели, вырвали у себя по перышку, сделали два крылышка и дали Лутонюшке; Лутонька взял и улетел от ягой-бабы к отцу, к матери... (№ 111, Афанасьев, I, 182); «Гусь-лебедь ты мой (обращается персонаж к гусенку), возьми меня, посади меня на крылышки, донеси меня к отцу, к матери; там тебя накормят-напоят и чистой водицей обмоют». Сжалился заціпанный гусенек, подставил Терешечке крылышки, встрепенулся и полетел вместе с ним (Терешечка, № 112, Афанасьев, I, 184). Равно как и наоборот, похищают, унося к бабе-яге: Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шкодили и маленьких детей крадывали (Гуси-лебеди, № 113, Афанасьев, I, 185). В опере М.П. Мусоргского *Хованщина* (либретто его же) стрельцы, они же по-старинному дети боярские, так славят, всякий раз при его появлении, своего князя, отца и кормильца, – белого лебедя, боярина самого большого, называя его также *Большим* и *Батькой*: Белому лебедю путь просторен, знатного боярина славьте, славьте! ... Слава лебедю, слава белому, Слава боярину самому большому!

В небольшой по объему статье невозможно было более или менее основательно развить положения выбранной темы, их можно было, наметив, только затронуть. Немаловажным следствием сказанному вместе с тем было бы представление о том, что мотивы белого лебединого в свадебных песнях (впрочем, не только эти мотивы) значимым образом согласуются со всем тем, что находит свое отражение в народной традиции, сказках, пословицах, поговорках, загадках и многом другом, становясь воплощением сложных и неоднозначных взаимосвязей.

Библиография

- Агренева-Славянская, О.Х. (1887–1889). *Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитаниями и зазывальными*. Ч. I–III. Москва: Тип. А.А. Левенсона.
- Афанасьев, А.Н. (1957). *Народные русские сказки. В трех томах*. Москва: Государственное издательство художественной литературы.
- Байбурин, А.К., Левинтон, Г.А. (1990). *Похороны и свадьба. В: Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд (64–99)*, Вяч. Вс. Иванов, Л.Г. Невская (ред.). Москва: Наука.
- Балашов, Д.М., Красовская, Ю.Е. (1969). *Русские свадебные песни Терского берега Белого моря*. Ленинград: Музыка. Ленинградское отделение.

- Балашов, Д.М., Марченко, Ю.И., Калмыкова, Н.И. (1985). *Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтуго (Тарногский район Вологодской области)*. Москва: Современник.
- Бернштам, Т.А. (1974). *Свадебная обрядность на Поморском и Онежском берегах Белого моря*. В: *Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор (181–188)*, Б.Н. Путилов (ред.). Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Бернштам, Т.А. (1982). *Обряд «расставания с красотой» (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде)*. В: *Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Сборник МАЭ. Т. 38 (43–66)*, Т.В. Станюкович (ред.). Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Богословский, П.С. (1927). *К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов*, Пермский краеведческий сборник, III, Пермь, 1–65.
- Болдырева, В.Г., Толкачева, С.В. (2018). *Русская свадьба Среднего Прикамья*. Ижевск: Издательство «Шелест».
- Быстров, Н. (1899). *Свадебные обычаи, обряды и песни в Елинском приходе (в юго-западной части) Островского уезда Псковской губернии. Этнографический очерк*. Псков: Типография Губернского правления.
- Гвоздиков, Л.С., Шаповалова, Г.Г. (1982). *«Девья красота» (картографирование свадебного обряда на материалах Калининской, Ярославской и Костромской областей)*. В: *Обряды и обрядовый фольклор (264–277)*, В.К. Соколова (ред.). Москва: Наука.
- 72
- Гура, А.В. (1978). *Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда (по материалам Вологодской губ.)*. В: *Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы (72–88)*, К.В. Чистов, Т.А. Бернштам (ред.). Ленинград: Наука. Ленинградское отделение.
- Гура, А.В. (1979). *О роли дружки в севернорусском свадебном обряде*. В: *Проблемы славянской этнографии (162–172)*, А.К. Байбурин, К.В. Чистов (ред.). Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Гура, А.В. (1995). *Из полесской свадебной терминологии. Свадебные чины (словарь: Свеночельники III)*. В: *Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья (318–334)*, Н.И. Толстой (ред.). Москва: Индрик.
- Гура, А.В. (2012). *Брак и свадьба в славянской народной культуре. Семантика и символика*. Москва: Индрик.
- Даль, В.И. (1862). *Пословицы русскаго народа. Сборникъ пословиць, поговорокъ, речений, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и проч. В. Даля. Изданіе Императорскаго общества исторіи древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ*. Москва: Въ университетской типографіи.
- Даль, В.И. (2000). *Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах*. Москва: Русский язык.
- Демин, В.Н., Щерб, В. (2019). *Образ лебедя в мифологии древних русов*, <https://zarenica.net/blog/obraz-lebedya-v-mifologii-drevnih-rusov> (доступ: 28.11.2021).

- Евтихиева, Л.Ю. (1991). *Структура и терминология свадебного обряда. (На материале тамбовских говоров)*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов.
- Еркоева, Т. (1998). *Русская свадьба*. Москва: Яуза. ЭКСМО-Пресс.
- Зорин, Н.В. (1990). *Символы невесты в русских свадебных обрядах (По материалам Казанского Поволжья)*. В: *Семейная обрядность народов Среднего Поволжья (Историко-этнографические очерки)* (38–49), Г.Р. Столярова, Р.К. Уразманова (ред.), Н.В. Зорин (сост.). Казань: Издательство Казанского университета.
- Зорин, Н.В. (2004). *Русский свадебный ритуал*. Москва: Наука.
- Колеснищкая, И.М., Телегина, Л.М. (1977). *Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян*. В: *Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами* (112–122), Б.Н. Путилов (ред.). Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Костромичева, М.В. (2005). *Свадебный обряд Орловского края*. Орел: Орловский государственный университет.
- Круглов, Ю.Г. (1978). *Русские свадебные песни. Учебное пособие для пед. институтов*. Москва: Высшая школа.
- Кузнецова, В.П. (1993). *Причитания в северно-русском свадебном обряде*. Б.Н. Путилов (науч. ред.). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН.
- Кукушкина, Е.Ю. (1999). *Типы перемещений в севернорусском свадебном обряде (по материалам свадебных причитаний)*. В: *Логический анализ языка. Языки динамического мира* (260–267), Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский (ред.). Дубна: Международный университет природы, общества и человека.
- Ларина, Л.И. (1996). *Лексика свадебных чинов обслуживающего назначения в русском свадебном обряде*. В: *Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования – 1994* (80–83), А.С. Герд (ред.). Санкт-Петербург: Наука.
- Мадлевская, Е.Л. (1995). *Девичья красота и социовозрастной статус девушки в традиционной культуре русских*. В: *Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: В честь Н.М. Герасимовой*. Санкт-Петербург: Европейский дом, <http://folk.spbu.ru/Reader/madlevskaja2.php?rubr=Reader-articles> (доступ: 28.11.2021).
- Мадлевская, Е.Л. (2007). *Пирог «девичья красота» в оренбургской свадебной традиции (по материалам экспедиций в Оренбургскую область в 2002–2006 гг.)*. В: *Питание в культуре этноса. Материалы шестых Санкт-Петербургских этнографических чтений* (91–96). Санкт-Петербург: РГПУ им. Герцена.
- Никифорова, О.В. (1998). *Наименования свадебных чинов в нижегородских говорах*. В: *Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования – 1996* (92–95). Санкт-Петербург: Наука.
- Потанина, Р.П. (1981). *Обрядовые песни русской свадьбы Сибири*. Р.П. Потанина (сост.). Новосибирск: Наука. Сибирское отделение.
- Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы* (1978). К.В. Чистов, Т.А. Бернштам (ред.). Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Соколова, А.А. (2014). *Традиции русской народной свадьбы*. Москва: Издательские решения.

- Старовойтова, М.В. (1998). *Чин свадебный*, Русская речь, 3, 81–83.
- Таратынова, Н.Ю. (2007). *Лексика свадебного обряда (по материалам псковских говоров)*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Псков.
- Терещенко, А. (1999). *Быт русского народа*. Ч. II. Москва: Русская книга.